

Николай Васильевич Гоголь

Мелкие отрывки
(Другие редакции)

Содержание

СТРАШНАЯ РУКА	0004
<ФОНАРЬ УМИРАЛ>	0005
<ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ>	0009
<РУДОКОПОВ>	0012
<СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ БАТЮШЕК>	0013
<ДЕВИЦЫ ЧАБЛОВЫ>	0016
ВАРИАНТЫ	0017
СТРАШНАЯ РУКА	0017
<ФОНАРЬ УМИРАЛ>	0018
<ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ>	0023
<РУДОКОПОВ>	0026
<СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ БАТЮШЕК>	0027
<ДЕВИЦЫ ЧАБЛОВЫ>	0030
КОММЕНТАРИИ	0031
СТРАШНАЯ РУКА	0031
<ФОНАРЬ УМИРАЛ>	0031
<ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ>	0032
<РУДОКОПОВ>	0033
<СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ БАТЮШЕК>	0033
<ДЕВИЦЫ ЧАБЛОВЫ>	0034

Николай Васильевич Гоголь

Мелкие отрывки

СТРАШНАЯ РУКА

ПОВЕСТЬ ИЗ КНИГИ ПОД НАЗВАНИЕМ: ЛУН-
НЫЙ СВЕТ В РАЗБИТОМ ОКОШКЕ ЧЕРДАКА
НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ В 16-ОЙ ЛИНИИ.

Было далеко за полночь. Один фонарь только озарял капризно улицу и бросал какой-то страшный блеск на каменные дома и оставлял во мраке деревянные, <которые> из серых превращались совершенно в черные.

<ФОНАРЬ УМИРАЛ>

Фонарь умирал на одной из дальних линий Васильевского Острова. Одни только белые каменные дома кое-где вызначивались. Деревянные чернели и сливались с густою массою мрака, тяготевшего над ними. Как страшно, когда каменный тротуар прерывается деревянным, когда деревянный даже пропадает, когда всё чувствует 12 часов, когда отдаленный будочник спит, когда кошки, бессмысленные кошки, одни спевываются и бодрствуют! Но человек знает, что они не дадут сигнала и не поймут его несчастья, если внезапно будет атакован мошенниками, выскочившими из этого темного переулка, который распростер к нему свои мрачные объятия. Но проходивший в это время пешеход ничего подобного не имел в мыслях. Он был не из обыкновенных в Петербурге пешеходов. Он был не чиновник, не русская борода, не офицер и не немецкий ремесленник. Существо вне гражданства столицы. Это был приехавший из Дерпта студент на факультеты, готовый на все должности, но еще пока-

мест ничего, кроме студент, занявший пол-угла в Мещанской, у сапожника немца. Но обо всем этом после. Студент, который в этом чинном городе был тише воды, без шпаги и рапиры, закутавшись шинелью, пробирался под домами, отбрасывая от себя саму<ю> огромную тень, головою теряющуюся в мраке. Всё казалось умерло, нигде огня. Ставни были закрыты. Наконец, подходя к Большому проспекту, особенно остановил внимание на одном доме. Тонкая щель в ставне, светившаяся огненной чертою, невольно привлекала и заманила заглянуть. Прильнув к ставне и приставив глаз к тому месту, где щель была пошире, и задумался. Лампа блистала в голубой комнате. Вся она была завалена разбросанными штукаами материй. Газ почти невидимый, бесцветный, воздушно висел на ручках кресел и тонкими струями, как льющийся водопад, падал на пол. Палевые цветы, на белой шелковой блиставшей блеском серебра материи, светились из-под газа. Около дюжины шалей, легких и мягких, как пуховые, с цветами совершенно живыми, смятые, были брошены на полу. Кушаки, золотые цепи висели

на взбитых до потолка облаках батиста. Но более всего занимала студента стоявшая в углу комнаты стройная женская фигура. Всё для студента в чудесно очаровательном, в ослепительно божественном платье — в самом прекраснейшем белом. Как дышет это платье!.. Сколько поэзии для студента в женском платье!.. Но белый цвет — с ним нет сравнения. Женщина выше женщины в белом. Она — царица, видение, всё, что похоже на самую гармоническую мечту. Женщина чувствует это и потому в отдельные <?> минуты преобразается в белую. Какие искры пролетают по жилам, когда блеснет среди мрака белое платье! Я говорю — среди мрака, потому что всё тогда кажется мраком. Все чувства переселяются тогда в запах, несущийся от него, и в едва слышимый, но музыкальный шум, производимый им. Это самое высшее и самое сладострастнейшее сладострастие. И потому студент наш, которого всякая горничная девушка на улице кидала в озноб, который не знал прибрать имени женщине, — пожирал глазами чудесное видение, которое, стоя с наклонною на сторону головою, охваченное до-

садною тенью, наконец поворотило прямо против него ослепительную белизну лица и шеи с китайскою прическою. Глаза, неизъяснимые глаза, с бездною души под капризно и обворожительно поднятым бархатом бровей были невыносимы для студента. Он задрожал и тогда только увидел другую фигуру, в черном фраке, с самым странным профилем. Лицо, в котором нельзя было заметить ни одного угла, но вместе с сим оно не означалось легкими, округленными чертами. Лоб не опускался прямо к носу, но был совершенно покат, как ледяная гора для катанья. Нос был продолжение его — велик и туп. Губы, только верхняя выдвинулась далее. Подбородка совсем не было. От носа шла диагональная линия до самой шеи. Это был треугольник, вершина которого находилась в носу: лица, которые более всего выражают глупость.

<ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ>

Дождь был продолжительный, сырой, когда Дядя вышел на улицу. Серодымное небо предвещало его надолго. Ни одной полосы света; ни в одном месте, [ни]где не разрывалось серое покрывало. Движущаяся сеть дождя задержала почти совершенно всё, что прежде видел глаз, и только одни передние дома мелькали будто сквозь тонкий газ. Тускло мелькала вывеска над <вы>веской, еще тусклее над ними балкон, выше его еще этаж, наконец крыша готова была потеряться в дождевом [тумане] и только мокрый блеск ее отличал ее немного от воздуха; вода урчала с труб. На тротуарах лужи. Чорт возьми, люблю я это время. Ни одного зеваки на улице. Теперь не найдешь ни одного из тех господ, которые останавливаются для того что<бы> посмотреть на сапоги ваши, на штаны, на фрак или на шляпу и потом, разинувши рот, поворачиваются несколько раз назад для того, чтобы осмотреть задний фасад ваш. Те-

перь раздолье мне закута<ться> крепче в свой плащ. Как удирает этот любезный молодой <человек> с личиком, которое можно упрятать в дамский ридикюль; напрасно: не спасет новенького сюртучка, красу и загляденье Невского проспекта. Крепче его, крепче, дождик: пусть он вбежит как мокрая крыса домой. А вот и суровая дама бежит в своих пестрых тряпках поднявши платье, далее чего нельзя поднять не нарушив последней благопристойности; куда девался характер; и не ворчит видя, как чиновная крыса в вицмундире с крестиком, запустив свои зеленые, как воротничек его, глаза, наслаждается видом полных, при каждом шаге трепещущих почти как бламанже выпуклостей ноги. О, это таковской народ! Они большие бестии, эти чиновники, ловить рыбу в мутной воде. В дождь, снег, ведро всегда эта амфибия на улице. Его воротник как хамелеон меняет свой цвет каждую минуту от температуры, но он сам неизменен как его канцелярский порядок. Навстречу русская борода, купец в синем немецкой работы сюртуке с талией на спине или лучше на шее. С какою купеческою лов-

костью держит он зонтик над своюю половиною. Как тяжело пыхтит эта масса мяса, обернутая в капот и чепчик. Ее скорее можно причислить к молюскам, нежели к позвоночным животным. Сильнее, дождик, ради бога сильнее кропи его сюртук немецкого покрою и жирное мясо этой обитательницы пуховиков и подушек. Боже, какую адскую струю они оставили после себя в воздухе из капусты и луку. Кропи их, дождь, за всё, за наглое бесстыдство плутовской бороды, за жадность к деньгам, за бороду, полную насекомых, и сыромятную жизнь сожигательницы... Какой вздор! их не проймет оплеуха квартального надзирателя, что же может сделать дождь. Но, как бы то ни было, только такого дождя давно не было. Он увеличился и переменял косвенное свое направление, сделался прямой, <с> шумом хлынул в крыши и мостовую, как <бы> желая вдавить еще ниже этот болотный город. Окна в кондитерских захлопнулись. Головы с усами и трубкою, долее всех глядевшие, спрятались. Даже серый рыцарь с алебардою и завязанною щекою убежал в будку.

<РУДОКОПОВ>

Я знал одного чрезвычайно замечательного человека. Фамилия его была Рудокопов и, действительно, отвечала его занятиям, потому что, казалось, к чему ни притрогивался он, всё то обращалось в деньги. Я его еще помню, когда он имел только 20 душ крестьян да сотню десятин земли и ничего больше, когда он еще принадлежал [Не дописано.]

<СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ БАТЮШЕК>

Можно биться об заклад, что читатель, если ему случится только проезжать заштатный городишку Погар, увидит, что из окна одного деревянного, весьма крепкого дома, с высокою крышею и двумя белыми трубами, глядит весьма полное, без всяких рябин лицо, цветом несколько похожее на свежую, еще неношенную подошву.

Это Семен Семенович Батюшек — помещик, дворянин, губернский секретарь. Он завел обыкновение глядеть из окна решительно на всё, что ни есть на улице. Едет ли проезжий какой-нибудь дворянин, может быть тоже и губернский секретарь, а может быть и повыше, в коляске покойной, глубокой как арбуз, из которой смотрят хлеб, няньки, подушки или просто жид извозчик на облучке <покрытом?> рогожами, с узкою дрянной бородой, в которой оставили весьма немного волос разные господа, одетые в военные и

партикулярные платья; или пронесется с шумом <?> картинно <?> разбойник и <.....> ремонтёр. — Он всё это рассмотр<ит>. Если ж и никто не проедет — ничего, это не беда. <Семен> Семенович посмотрит и на курицу и на чушку, которая пробежит перед окном, и весьма внимательно <?> от головы до хвоста. Когда столкнутся два воза, он из окна тут же подаст благоразумные советы, кому податься вперед, кому <назад> и первому проходящему прикажет помочь. Если один из очень быстрых его глаз завидит, что мальчик лезет через забор в чужой огород или пачкает углем на стене неприличную фигуру, он подзовет очень ласковым голоском к себе, велит потом подвинуться ему ближе к окну, потом еще ближе, потом протянувши руку хватить его за ухо и отдерет это бедное <ухо> таким образом, что тот унесет его домой висящее на одной ниточке как нерадиво пришитая пуговица к сертуку. Если подерутся два мужика, то он сию ж минуту тут же из окна над ними суд, допросит чьи они, велит позвать Петрушку и Павлушку повара и комнатного лакея, у <которого> на серой куртке неизвестно по какой

причине военный воротник, и тут же высечет обоих мужиков, а другим еще прикажет придержать. Ему нет нужды, что не его люди.

Только на два часа в день прячется это лицо. Это случается во время и после обеда, когда он имеет обыкновение отдыхать. Но и тут случись только какое-нибудь происшествие на улице, <Семен> Семенович как паук, к которому попадается в паутину муха, вдруг выбежит из своего угла и уже так знакомое заштатному городишку лицо, цвету еще неносенной подошвы, торчит у окна.

<ДЕВИЦЫ ЧАБЛОВЫ>

Девушки Чабловы, дочери бедных родителей, вышли вместе из института в одно время и вдруг очутились среди света, огромного, великого, со страхом и робостью в душе. Они были умны; каким образом они сделались умны — никто не знал, может быть — это было внушено им от рождения как инстинкт или, может быть, они умели извлечь крупицы опытности и здравого суждения из книг, которые им удалось читать, из которых не всякой умеет извлекать что-либо. Дело в том, что они задумали о своем существовании, и в то время, когда ветреная и малодушная бросается на свет без рассмотрения, как бабочка на свечу. Они уже захотели сделать для себя план жизни и предначертать заранее для себя самих правила, в законах которых обращалась бы их жизнь. — Вещь совершенно необыкновенная в девицах осьмнадцатилетних.

ВАРИАНТЫ

СТРАШНАЯ РУКА

Один фонарь только озарял капризно улицу
~ в черные.

в конце улицы едва озарял

Один фонарь ~ страшный блеск на каменные дома и оставлял во мраке деревянные, <которые> из серых превращались совершенно в черные.

блеск на каменные дома [Далее начато: Такой бле<ск>] тогда как деревянные казал

<ФОНАРЬ УМИРАЛ>

Фонарь умирал на одной из дальних линий Васильевского Острова. Одни только белые каменные дома кое-где вызначивались.

Васильевского Острова Низенькие домики то каменные

Одни только белые каменные дома кое-где вызначивались.

белые то черные

Он был не из обыкновенных в Петербурге пешеходов.

Этот был

Это был приехавший из Дерпта студент на факультеты, готовый на все ~ немца.

пригодный?

Это был приехавший из Дерпта ~ должности, но еще покамест ничего, кроме студент, занявший ~ немца.

но еще не занявший

Наконец, подходя к Большому проспекту, особенно остановил внимание на одном доме.

Наконец, один

Наконец, подходя к Большому проспекту, особенно остановил внимание на одном доме.

остановил его внимание

Вся она была завалена разбросанными штуками материй.

разбросанными материями

Газ почти невидимый, бесцветный, воздушно ~ на пол.

Газ самый воздушный

Палевые цветы, на белой шелковой блиставшей блеском серебра материи, светились из-под газа.

Оранжевые цветы

Но более всего занимала студента стоявшая в углу комнаты стройная женская фигура.

ра.

женская фигура [Далее начато: Женская].
Что может более [Что может быть более]
иметь для студента

Всё для студента в чудесно очаровательном,
в ослепительно божественном платье —
в самом прекраснейшем белом.

в ~ костюме

Всё для студента в чудесно очаровательном,
в ослепительно божественном платье —
в самом прекраснейшем белом.

а. в самом прекрасном

б. в самом прекраснейшем, в прост<ом> белом

Сколько поэзии для студента в женском
платье!..

Какая поэзия

Но белый цвет — с ним нет сравнения.

Белый цвет что может быть жарче, пронзительнее
белого цвета.

Женщина выше женщины в белом.

Женщина ~ в белом платье.

Она — царица, видение, всё, что похоже на самую гармоническую мечту.

царица, видение, мечта всё.

Женщина чувствует это и потому в отдельные <?> минуты преобразается в белую.

невсегда и на минуты

Я говорю — среди мрака, потому что всё тогда кажется мраком. Все чувства переселяются тогда в запах, несущийся от него, и в едва слышимый, но музыкальный шум, производимый им.

кажется мраком. Всё тогда

Все чувства переселяются тогда в запах, несущийся от него, и в едва слышимый, но музыкальный шум, производимый им.

неслышимый

Это самое высшее и самое сладострастнейшее сладострастие.

самое высшее сладострастие

И потому студент наш, которого ~ глазами
чудесное видение, которое, стоя ~ прическою.
чудесное платье

И потому студент наш, которого ~ видение,
которое, стоя с наклоненною на сторону голо-
вою, охваченное ~ прическою.

а. стоя в <поворот>

б. стоя поворотив голову в сторону

Глаза, неизъяснимые глаза, с бездною ~
бровей были невыносимы для студента.

с бездною души под [стройными] подняты-
ми <бровями>

Глаза, неизъяснимые ~ были невыносимы
для студента.

нестерпимы

Губы, только верхняя выдвинулась далее.
выдвинулась еще далее

<ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ>

Движущаяся сеть дождя задернула ~ газ.
Сеть дождя задернула даль [задернула
муть газом] непроницаемым полотном <?>
между тем как передние дома обвиты были
газом

Движущаяся сеть дождя ~ глаз, и только
одни передние дома мелькали будто сквозь
тонкий газ.

только маков<ки?> до<мов?>.

Тускло мелькала вывеска над <вы>веской,
еще тусклее ~ с труб.

Тускло мелькала вывеска над <вы>веской,
выше их ба<лкон?>

Тускло мелькала вывеска над <вы>веской,
еще тусклее над ними балкон, выше его еще
этаж, наконец ~ с труб.

еще выше его

Теперь не найдешь ни одного из тех господ, которые останавливаются для ~ ваш.

а. из тех господ, которых

б. из тех господ, которые остановившись

Как удирает этот любезный молодой <человек> ~ Невского проспекта.

этот длинный фронт

Как удирает этот любезный молодой <человек> с личиком, которое ~ ридикюль; напрасно: не спасет ~ Невского проспекта.

с личиком меньше порядочного яблока

А вот и суровая дама бежит в своих пестрых тряпках поднявши платье, далее чего нельзя поднять ~ ноги.

поднявши платье до тех пор как

Его воротник ~ неизменен как его канцелярский порядок.

как его вицмундир

Его воротник как хамелеон меняет свой цвет каждую минуту от температуры, но он

сам неизменен как его канцелярский порядок. Навстречу русская борода, купец в синем немецкой работы сюртуке с талией на спине или лучше на шее.

а. порядок. и ловок

б. порядок. Но боже!

С какою купеческою ловкостью держит он зонтик над своею половиною.

Как ловко

Кропи их, дождь, за всё, за наглое бесстыдство плутовской бороды, за ~ сожительницы...

за мошенничество бесстыдной бороды

Какой вздор! их не проймет оплеуха квартального надзирателя, что же может сделать дождь.

где же может

Он увеличился и переменял ~ город.

Он стал <прямой>

Он увеличился и переменял ~ прямой, <с>
шумом хлынул ~ город.
с ужасной силою

Он увеличился и переменял ~ шумом хлы-
нул в крыши и ~ город.
хлынул в крышу

Головы с усами и трубкою, долее всех гля-
девшие, спрятались.
головы ~ спрятались

<РУДОКОПОВ>

Фамилия его была Рудокопов и, действи-
тельно, отвечала его ~ в деньги.

а. Назову его

б. Фамилия его была Рудокопов и самая фа-
милия чрезвычайно

<СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ БАТЮШЕК>

Можно биться об заклад, что читатель, если ~ глядит весьма полное, без всяких рябин лицо, цветом ~ подошву.

весьма гладкое и очень приличное лицо без одной рябины

Можно биться об заклад, что ~ рябин лицо, цветом несколько похожее на свежую, еще неношенную подошву.

цвету свежей еще неношенной подошвы.

Он завел обыкновение глядеть из окна решительно на всё, что ни есть на улице.

а. Он всегда глядит

б. Он завел обыкновение всегда глядеть

Он завел обыкновение глядеть из окна решительно на всё, что ни есть на улице.

на всё, что ни делается

Едет ли проезжий какой-нибудь дворянин, может быть тоже и губернский секретарь, а может ~ и <.....> ремонтер.

какой-нибудь тоже дворянин и губернский секретарь

Едет ли проезжий какой-нибудь ~ арбуз, из которой смотрят хлеб, няньки, подушки ~ и <.....> ремонтер.

из которой смотрят дети<?>

Едет ли проезжий какой-нибудь ~ господа, одетые в военные и партикулярные платья; или ~ и <.....> ремонтер.

одетые в приличные <?> платья

Если один из очень быстрых его глаз завидит, что ~ к сертуку.

Если глаз его

Если один из очень быстрых его глаз завидит, что ~ или пачкает углем на стене ~ к сертуку.

рисует углем

Если один из очень быстрых его глаз завидит, что ~ к себе, велит потом подвинуться ~ к сертуку.

ПОТОМ ВЕЛИТ

Если один из очень быстрых его глаз завидит, что ~ и отдерет это бедное <ухо> таким образом, что ~ к сертуку.

отдерет его таким образом за ухо

Но и тут случись только какое-нибудь происшествие ~ у окна.

а. Но впрочем

б. Это впрочем

Но и тут случись только какое-нибудь происшествие ~ у окна.

случись какое-<нибудь>

Но и тут случись только какое-нибудь происшествие ~ угла и уже так знакомое заштатному городишку лицо, цвету ~ у окна.

и уже знакомое лицо

Но и тут случись только какое-нибудь происшествие ~ лицу, цвету еще неношенной подошвы, торчит у окна.

а. цвету св<ежей?>

б. цвету новой подошвы

<ДЕВИЦЫ ЧАБЛОВЫ>

Девыцы Чабловы, дачеры бедных родителей, вышли вместе ~ в душе.
дочери небогатых

Девыцы Чабловы, дачеры бедных родителей, вышли ~ очутились среди света, огромного, великого, со страхом и робостью в душе.
среди большого света

Они были умны; каким образом ~ умели извлечь крупыцы опытности ~ что-либо.
извлечь эти крупыцы

Они уже захотели сделать для себя план жизни и предназначить заранее для себя самих правила, в законах которых обращалась бы их жизнь.

а. правила, как

б. правила, кото<рые>

КОММЕНТАРИИ

СТРАШНАЯ РУКА

Печатается по автографу, на стр. 45 тетради ПРМ4. Впервые отрывок опубликован Кулишом. См. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 167–168. — Комментарий к отрывку см. выше, в комментарии к «Невскому проспекту».

<ФОНАРЬ УМИРАЛ>

Печатается по автографу Публ. библ-ки СССР им. В. И. Ленина в Москве. Впервые отрывок опубликован Кулишом. См. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 173–175. — Комментарий к отрывку см. выше в комментарии к «Невскому проспекту».

<ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ>

Печатается по автографу Публ. библ-ки СССР им. В. И. Ленина в Москве в виде листка in 4° плотной, вержированной, без водяных знаков бумаги, — той самой, из которой составлена тетрадь РЛ1, содержащая «Миргород»; на принадлежность когда-то к этой самой тетради описываемого листка указывают отмеченные в нем еще Тихонравовым «ясные следы», что он вырезан «из переплетенной тетради». — См. Соч., 10 изд., т. V, стр. 553. — Есть, с другой стороны, многочисленные следы в самой тетради РЛ1 вырезанных из нее листов (напр. между лл. 3 об. и 4, 15 об. и 16 и т. д.). Вторая (оборотная) страница листка заполнена текстом только вверху; ниже — рисунки Гоголя: готический портал, здание с башней, стена. Тетрадь РЛ1 Гоголь, как известно, пользовался в 1833—34 гг. — Это дает право и описываемый отрывок относить не ранее как к 1833 году, вопреки более ранней датировке его в изд. Тихонравова. Ср. Соч., 10 изд., т. V, стр. 554. — Впервые отрывок

опубликован Кулишом. См. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 171–173. — Комментарий к отрывку см. выше, в комментарии к «Запискам сумасшедшего».

<РУДОКОПОВ>

Печатается по автографу в 5 строк на л. 7 об. тетради Публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, содержащей «Миргород» (РЛ1). Судя по местонахождению, отрывок вписан в тетрадь одновременно с остальным ее содержанием, т. е. в 1833 году.

<СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ БАТЮШЕК>

Печатается по автографу Публ. библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве, в виде листка желтоватой бумаги in 4°, с львом, держащим щит в филиграни, с надписью под лапой: «Concorde» и литерами: «F. W.». Отрывок впервые был опубликован Тихонравовым в «Царе-Колоколе» (1892 г., т. III, стр. 107), откуда перепечатан (В. Шенроком) в 10 издании. Там же указано на сходство отрывка с «Коляской», с одной стороны, с эпизодами о Митяе и

Миняе и о въезде Коробочки в город N. в 5-ой и 8-ой главах первого тома «Мертвых душ», с другой стороны. — См. Соч. Гоголя, 10 изд., VI, стр. 745, 798. — Одновременное сходство с двумя вещами, одна из которых в 1835 г. была начата, а другая в том же году написана целиком, позволяет, с некоторой долей вероятности, к тому же году (обновившему, как известно, украинские впечатления Гоголя) отнести и самый отрывок.

<ДЕВИЦЫ ЧАБЛОВЫ>

Печатается по автографу Публ. библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве в виде листка in 4° с клеймом: «<I. Wha>tmann Turkey Mill 1838», обратная сторона которого содержит отрывок, начинающийся: «вражды, войны, битвы и замировки» и стоящий в связи с занятиями Гоголя украинской историей в Вене, в августе—сентябре 1839 г. — См. Соч. Гоголя, 10 изд., V, стр. 675, VI, стр. 793, 797. — К тому же, очевидно, периоду относится и набросок повести о «девицах Чабловых», которых можно отождествить с кончавшими в том году Патриотический институт в Петербурге сест-

рами самого Гоголя (Анной Васильевной и Елизаветой Васильевной). Вопросу о будущности сестер в конце 1839 г., когда написан отрывок, немало уделено вниманья в письмах Гоголя, причем все его высказыванья там на эту тему весьма близки к содержанию наброска. Программа светского воспитания для небогатой девушки, продумывавшаяся Гоголем на пути в Россию в 1839 г. ради применения ее к собственным сестрам, возможно, и послужила темой сделанного одновременно наброска повести.